

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.09.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-10-102-110

Дата принятия рукописи в печать: 26.10.2026 г.

ВАРЕНИЦА Кирилл Алексеевич,

студент 1 курса направления «юриспруденция» (40.04.01)
образовательной программы «Российская уголовная юстиция»
юридического института Национального исследовательского
Томского государственного университета, г. Томск,
e-mail: kirill.varenitsa@mail.ru

ДЕМАТЕРИАЛИЗАЦИЯ ПРЕДМЕТА ХИЩЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ: ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ НОВЕЛЛЫ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА В ОТНОШЕНИИ ЦИФРОВОЙ ВАЛЮТЫ

Аннотация. В статье исследуется изменение уголовно-правового понимания имущества как предмета хищения после прямого признания цифровой валюты имуществом в 2026 г. Цель работы состоит в установлении того, как законодательные новеллы и новая редакция разъяснений Верховного Суда РФ влияют на признаки предмета хищения и квалификацию посягательств на цифровую валюту. Эмпирическую основу составили судебные акты 2021–2026 гг., в которых цифровая валюта непосредственно выступала предметом хищения либо оценивались принадлежность криптокошелька, стоимость цифровых активов и способ завладения ими; дополнительно учтена практика Верховного Суда РФ по легализации имущества, полученного в цифровой валюте. Установлено, что физический признак перестал быть обязательным для предмета хищения, однако цифровая форма актива порождает самостоятельные вопросы квалификации. Выявлено нормативное неравенство: цифровая валюта прямо отнесена к предмету хищения, но специальный признак кражи по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ Верховный Суд связывает только с безналичными и электронными денежными средствами. Показано также, что новое разъяснение о роли обмана при обеспечении доступа к имуществу способно изменить оценку отдельных схем фишинга криптокошельков. Обосновывается функциональный критерий изъятия цифровой валюты через утрату потерпевшим и приобретение виновным реальной возможности распоряжаться активом. Предложены подходы к установлению принадлежности цифровой валюты и ее стоимости.

Ключевые слова: предмет хищения, имущество, цифровая валюта, криптовалюта, дематериализация имущества, цифровые активы, судебная практика, кража, мошенничество, уголовное право.

VARENITSA Kirill Alekseevich,

1st year law student (40.04.01) of the educational program "Russian
Criminal Justice" of the Law Institute of the National Research Tomsk
State University, Tomsk

DEMATERIALIZATION OF THE OBJECT OF LARCENY IN RUSSIAN CRIMINAL LAW: LEGISLATIVE NOVELTIES AND JUDICIAL PRACTICE REGARDING DIGITAL CURRENCY

Annotation. The article examines the changes in the criminal legal understanding of property as an object of theft following the direct recognition of digital currency as property in 2026. The aim of the work is to establish how legislative innovations and the new version of the explanations provided by the Supreme Court of the Russian Federation affect the characteristics of the object of theft and the classification of offences involving digital currency. The empirical basis consisted of judicial acts from 2021 to 2026, in which digital currency was directly identified as the subject of theft or in which the ownership of a crypto wallet, the value of digital assets, and the method of acquiring them were assessed; additionally, the practice of the Supreme Court of the Russian Federation regarding the legalization of property obtained in digital currency was taken into account. It was established that the physical characteristic has ceased to be a mandatory feature of the subject of theft, but the digital form of the asset gives rise to separate qualification issues. A normative inequality has been identified: digital currency is explicitly classified as an object of theft, but the Supreme Court associates the special feature of theft under paragraph "g" of Part 3 of Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation only with non cash and electronic funds. It is also shown that the new clarification regarding the role of deception in gaining access to property can change the assessment

of certain schemes involving the phishing of crypto wallets. The functional criterion for the seizure of digital currency is substantiated through the loss of the victim and the acquisition by the perpetrator of a real opportunity to dispose of the asset. Approaches to determining the ownership of digital currency and its value have been proposed.

Key words: subject of theft, property, digital currency, cryptocurrency, dematerialization of property, digital assets, judicial practice, theft, fraud, criminal law.

Предмет хищения в российском уголовном праве длительное время объяснялся через вещную модель имущества. В доктрине устойчиво использовалась триада физического, экономического и юридического признаков: имущество должно было иметь материальное выражение, обладать стоимостью и быть чужим для виновного. Такой подход соответствовал классическим формам собственности, однако перестал охватывать значительную часть современного имущественного оборота после распространения безналичных расчетов, цифровых прав и иных объектов, существующих в форме записей и электронных данных [9; 10].

Переход от вещи к более широкой категории имущественной ценности происходил постепенно. Признание безналичных денежных средств предметом хищения показало, что физическое изъятие не является необходимым условием причинения имущественного ущерба. В дальнейшем вопрос возник в отношении бездокументарных ценных бумаг, цифровых прав и цифровой валюты. До 2026 г. последняя категория оставалась особенно дискуссионной: суды признавали криптовалюту предметом хищения, но обосновывали это через совокупность норм гражданского, налогового и специального законодательства, а единое прямое предписание уголовного закона отсутствовало [12; 15].

Ситуация изменилась в 2026 г. Федеральный закон от 20.02.2026 № 38-ФЗ «О внесении изменений в статью 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (далее – ФЗ № 38) дополнил примечание к ст. 104.1 УК РФ положением о признании цифровой валюты имуществом для целей этой и других статей Кодекса [4]. Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 16.06.2026 № 19 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 года № 29 "О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (далее – ППВС № 19) цифровая валюта прямо включена в предмет кражи, грабежа, разбоя и иного хищения [6]. С 1 сентября 2026 г. действует Федеральный закон от 04.08.2026 N 282-ФЗ «О цифровых валютах и цифровых правах» (далее – ФЗ № 282), в котором цифровая валюта определяется как имущество, представленное совокупностью электронных данных [5].

Степень научной разработанности про-

блемы остается высокой, но предмет дискуссии меняется. А. В. Архипов, В. В. Хилjuta, А. В. Шеслер и К. В. Ображиев исследовали пределы вещного понимания имущества и возможность уголовно-правовой охраны цифровых объектов [17–20]. В 2026 г. Е. М. Попова рассмотрела цифровые права как предмет хищения, а В. С. Мельник — цифровую валюту как предмет и средство совершения преступлений на материалах практики 2024–2025 гг. [22, с. 210; 23, с. 10]. М. А. Филатова и К. С. Шаповал систематизировали юридические аргументы, которыми суды до прямого законодательного закрепления обосновывали признание криптовалюты чужим имуществом [24]. Новое законодательство и обновленные разъяснения Пленума ВС РФ позволяют поставить следующий вопрос: какие проблемы сохраняются уже после нормативного признания цифровой валюты предметом хищения.

Цель статьи – определить влияние законодательных новелл 2026 г. и судебной практики на содержание признаков предмета хищения и квалификацию посягательств на цифровую валюту. Для достижения цели решаются задачи: проследить изменение вещной модели имущества; сопоставить новые нормы УК РФ, УПК РФ и специального законодательства; проанализировать судебные решения, в которых цифровая валюта являлась предметом хищения; выявить проблемы разграничения кражи и мошенничества, определения момента окончания преступления, стоимости и принадлежности цифровой валюты; сформулировать предложения для правоприменения.

Методологическую основу составили формально-юридический, системный и сравнительно-правовой методы. Эмпирическую основу составили семь судебных актов 2021–2026 гг., отобранных по наличию в них самостоятельного вопроса о цифровой валюте как предмете хищения, ее принадлежности, стоимости либо способе завладения [17–23]. Дополнительно использовано кассационное определение Верховного Суда РФ по вопросу легализации биткоинов, полученных преступным путем [16]. Выборка не претендует на статистическую репрезентативность; ее задача – выявить типовые квалификационные и доказательственные проблемы и проследить изменение аргументации судов.

Дематериализация предмета хищения: от вещи к имущественному контролю

Дематериализация предмета хищения не

означает исчезновения его имущественной природы. Речь идет об отказе от требования, согласно которому охраняемое благо обязательно должно существовать как физически обособленная вещь. Ценность цифрового актива может быть зафиксирована записью в информационной системе, а противоправное завладение – выражаться не в перемещении материального объекта, а в изменении возможности распоряжения им.

Именно безналичные денежные средства стали наиболее наглядным примером такого изменения. Их невозможно изъять из владения так же, как наличные деньги, однако изменение записи по счету способно окончательно лишить владельца соответствующей имущественной возможности. Уголовное право приспособило конструкцию хищения к этому объекту, что поставило под сомнение универсальность физического признака. В литературе этот процесс обоснованно описывается как дематериализация предмета хищения [18].

Цифровая валюта усиливает эту тенденцию. Она не удостоверяет требование к конкретному обязанному лицу и не предполагает обязательного материального носителя. Ее принадлежность и оборот реализуются посредством записей в информационной системе и доступа к адресу-идентификатору. Поэтому для уголовно-правовой оценки существеннее не вещественная форма, а наличие экономической ценности, возможность индивидуализации актива, его чужой характер и возможность установления фактического контроля.

Такой подход не должен превращаться в безграничное расширение понятия имущества. Экономическая привлекательность сама по себе недостаточна: иначе предметом хищения можно было бы признавать любую цифровую информацию, которой участники оборота придают субъективную ценность. Для цифровой валюты значение имеет то, что законодатель прямо закрепил ее имущественный статус, а специальное регулирование предусматривает учет, переход, хранение и обращение этого объекта [4; 5].

Поэтому представляется более точным говорить не о замене вещи «данными», а о смене критерия изъятия. Для материального имущества изъятие обычно выражается в физическом перемещении вещи или утрате владения. Для цифровой валюты функциональным эквивалентом становится изменение контроля: потерпевший утрачивает реальную возможность распоряжаться активом, а виновный или третье лицо такую возможность приобретает. Этот критерий позволяет сохранить связь с традиционной конструкцией хищения, не требуя искусственно приписывать цифровому объекту вещные свойства.

Новая нормативная модель цифровой ва-

люты в 2026 году

Первым ключевым изменением стал ФЗ № 38. Пункт 2 примечаний к ст. 104.1 УК РФ теперь прямо устанавливает: для целей этой и других статей УК РФ цифровая валюта признается имуществом [4]. Формулировка имеет общее значение и не ограничивается институтом конфискации. Следовательно, спор о принципиальной возможности признания цифровой валюты предметом преступлений против собственности разрешен законодателем.

Одновременно была создана специальная процессуальная модель. В УПК РФ закреплены особенности наложения ареста на цифровую валюту, а ст. 164.2 регулирует ее изъятие при производстве следственных действий [2; 4]. Постановлением Правительства РФ от 30 июня 2026 г. № 808 «Об утверждении Правил хранения, перевода и учета цифровой валюты при осуществлении уголовного судопроизводства» (далее – Постановление Правительства № 808) установлен порядок хранения, перевода и учета цифровой валюты в уголовном судопроизводстве, включая использование специальных адресов-идентификаторов и взаимодействие уполномоченных субъектов [7]. Это важно и для материального уголовного права: возможность ареста, перевода и учета подтверждает самостоятельную экономическую обособленность цифрового актива.

Вторым этапом стало ППВС № 19. Новый п. 1.1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (далее – ППВС № 29) прямо относит к предмету кражи, грабежа, разбоя и иного хищения наряду с вещами иное имущество, включая безналичные денежные средства, цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права и цифровую валюту [6]. Таким образом, вопрос решен не только на уровне общей нормы УК РФ, но и применительно к квалификации конкретных форм хищения.

Однако то же постановление выявляет важную нормативную границу. В п. 25.2 Пленум специально разъяснил, что предметом кражи по п. «Г» ч. 3 ст. 158 УК РФ являются только безналичные денежные средства в рублях или иностранной валюте на банковских счетах либо электронные денежные средства в смысле законодательства о национальной платежной системе [6]. Цифровая валюта в этот перечень не включена. Следовательно, ее цифровая природа сама по себе не дает оснований применять специальный квалифицирующий признак «с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств».

Эта конструкция образует нормативную асимметрию. С одной стороны, цифровая валюта безусловно признается предметом хищения; с

другой – для нее отсутствует специальный квалифицирующий признак, аналогичный установленному для безналичных и электронных денежных средств. При краже криптовалюты квалификация должна строиться по общим признакам ст. 158 УК РФ и соответствующим признакам размера, группы, незаконного доступа в помещение и т. п., но не по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ только из-за цифрового способа хранения актива.

Третья значимая новелла Пленума касается разграничения кражи и мошенничества. Если обман или злоупотребление доверием использованы лишь для обеспечения или облегчения доступа к имуществу, а само изъятие совершается тайно, содеянное образует кражу. Для цифровой валюты это разъяснение особенно важно: получение seed-фразы через фишинговую страницу, перехват учетных данных или иное введение пользователя в заблуждение может служить только способом получения доступа, после чего перевод актива осуществляется без волевого распоряжения потерпевшего.

Наконец, ФЗ № 282 сформировал новую специальную нормативную среду. В ст. 2 цифровая валюта определяется как имущество, представленное совокупностью электронных данных в информационной системе [5]. Закон также вводит понятия адреса-идентификатора, ключа доступа, цифрового счета, регулирует организацию обращения и учет цифровых валют. Для уголовного права это дает более точный понятийный аппарат, позволяющий описывать механизм владения и перехода контроля без обращения к условным аналогиям с вещами.

Судебная практика: от функционального признания к прямому нормативному основанию

До реформы 2026 г. суды уже признавали криптовалюту предметом хищения, но аргументация была неоднородной. В кассационном определении Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 1 июля 2021 г. № 77-1255/2021 суд признал правильным вывод нижестоящих инстанций о том, что находившаяся у потерпевшего цифровая валюта может выступать предметом разбоя. В обоснование были использованы нормы законодательства о банкротстве и исполнительном производстве, налоговые разъяснения и регулирование цифровой валюты [9]. Это один из ранних примеров, когда имущественная природа криптовалюты выводилась не из одной прямой нормы, а из системного толкования разных отраслей.

Характерный пример разграничения способов хищения содержится в приговоре Новгородского районного суда от 17 ноября 2024 г. по делу № 1-947/2024. По фабуле потерпевшему была направлена ссылка; после совершения действий на соответствующем ресурсе сведения, позволявшие получить доступ к криптокошельку,

оказались у виновных, а цифровая валюта ETH была переведена на подконтрольный адрес. Суд квалифицировал завладение как мошенничество [10]. После появления в 2026 г. нового абзаца п. 2 ППВС № 29 подобная фабула требует более детального ответа на вопрос: распоряжался ли потерпевший активом под влиянием обмана либо обман лишь обеспечил скрытый доступ, после чего перевод был произведен без его воли.

В апелляционном определении Московского городского суда от 3 июля 2025 г. № 10-9241/2025 предметом разбирательства было мошенничество с цифровой валютой USDT в особо крупном размере. Защита ставила вопросы о доказанности принадлежности активов и размере ущерба [11]. Значение этого дела состоит в том, что цифровая транзакция сама по себе не решает вопрос о потерпевшем: для связи адреса с конкретным лицом суд оценивает совокупность показаний, сведений о сделке, переписки, данных сервисов и движения активов.

Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 22 января 2026 г. № 7У-8862/2025 также предшествовало вступлению в силу ФЗ № 38. Осужденные оспаривали приговор за разбой, в ходе которого была похищена криптовалюта, указывая в том числе на недоказанность ее принадлежности потерпевшему и размера ущерба. Кассационный суд оставил судебные решения без изменения [12]. Практика тем самым подтверждала возможность признания криптовалюты предметом насильственного хищения еще до прямого указания в УК РФ.

В деле, рассмотренном Вторым апелляционным судом общей юрисдикции 12 марта 2026 г. № 55-77/2026, противоправное завладение USDT было связано с похищением потерпевшего, получением доступа к криптокошелькам и последующими переводами; часть цифровых активов затем конвертировалась и использовалась в операциях, квалифицированных в том числе как легализация [13]. Этот пример особенно ясно показывает значение категории контроля: предмет преступления не перемещается физически, но доступ к ключам и совершение транзакций приводят к реальной утрате потерпевшим имущественной возможности.

После вступления в силу ФЗ № 38 вопрос о правовой природе цифровой валюты продолжал возникать в жалобах. В апелляционном определении Московского городского суда от 19 мая 2026 г. № 10-8287/2026 защита утверждала, что токены USDT, ETH, wrapped BTC, BSCB и BSC-USD не могли быть предметом хищения, а стоимость была установлена ненадлежащим способом. Суд отклонил эти доводы, указав на конвертируемость активов, их инвестиционную и платежную функцию и экономическую ценность

[14].

Отдельного внимания заслуживает способ определения ущерба в этом деле. Суд признал допустимым расчет на основании количества похищенных токенов, их минимальной стоимости на дату соответствующей операции и официального курса рубля к доллару США, указав, что обязательное проведение экспертизы не требовалось, поскольку расчет не предполагал специальных знаний [14]. Этот подход показывает возможный практический стандарт, но не устраняет проблему полностью: для волатильных активов выбор площадки, времени фиксации курса и торговой пары способен существенно повлиять на размер ущерба.

В апелляционном определении Московского городского суда от 8 июля 2026 г. № 10-11265/2026 защита вновь ссылалась на неустановление владельцев криптокошельков, на которые потерпевший перевел USDT. Суд оставил приговор по ч. 4 ст. 159 УК РФ без изменения, оценив этот довод в совокупности с иными доказательствами [15]. Дело подтверждает, что после нормативного решения вопроса о предмете хищения спор перемещается в доказательственную плоскость – к установлению связи между цифровым адресом, активом и конкретным участником правоотношения.

Дополнительный контекст дает кассационное определение Верховного Суда РФ от 16 июля 2024 г. № 53-УДП24-23-K8. В нем рассматривались биткоины, полученные как вознаграждение за преступную деятельность и впоследствии конвертированные в рубли. Верховный Суд оценивал криптовалюту в контексте «иного имущества» для целей легализации [16]. Хотя это не дело о хищении, оно показывает, что имущественная характеристика цифровой валюты использовалась высшей судебной инстанцией и в смежных уголовно-правовых институтах до реформы 2026 г.

Квалификационные проблемы после реформы

Прямое признание цифровой валюты имуществом снимает только первый уровень неопределенности. Оно отвечает на вопрос о предмете преступления, но не определяет автоматически форму хищения, момент его окончания, размер ущерба и принадлежность актива. Судебная практика показывает, что именно эти вопросы становятся основными после 2026 г.

Первая проблема – разграничение кражи и мошенничества. Для мошенничества обман должен обусловить волевое имущественное распоряжение потерпевшего: лицо, находясь в заблуждении, само совершает действие, вследствие которого имущество переходит виновному или третьему лицу. Если же потерпевший лишь

сообщает код, переходит по ссылке или вводит данные, а списание цифровой валюты затем осуществляется тайно без его волевого решения о передаче актива, новое разъяснение Пленума ориентирует на признаки кражи [6].

Применительно к делу № 1-947/2024 это дает важный материал для сравнительного анализа. Суд квалифицировал действия как мошенничество, однако описанный механизм включал получение доступа к сведениям кошелька через направленную ссылку и дальнейший перевод ETH на иной адрес [10]. Само по себе наличие обмана еще не означает мошенничество. После ППВС № 19 при аналогичной фабуле необходимо отдельно устанавливать, передал ли потерпевший цифровую валюту в результате заблуждения или только невольно создал условия для последующего тайного изъятия. Это не свидетельствует автоматически об ошибочности прежнего приговора, но показывает изменение критериев, которыми должны руководствоваться суды в новых делах.

Вторая проблема связана с п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Поскольку Пленум ограничил его предмет банковскими безналичными и электронными денежными средствами, кража цифровой валюты не должна квалифицироваться по этому признаку только потому, что посягательство происходит в электронной среде [6]. Такой вывод особенно важен для практики, где криптовалюта иногда терминологически сближалась с электронными денежными средствами. После реформы смешение этих категорий противоречит прямому разъяснению Верховного Суда.

Третья проблема – момент окончания кражи цифровой валюты. Пленум устанавливает общий критерий: кража и грабеж окончены, когда имущество изъято и виновный получил реальную возможность пользоваться или распоряжаться им. Для безналичных и электронных денег дополнительно установлен момент списания со счета [6]. Специального правила для цифровой валюты нет. Представляется, что механическое применение банковского критерия здесь невозможно, поскольку цифровая валюта может учитываться как непосредственно в распределенном реестре, так и внутри централизованной платформы.

Для цифровой валюты целесообразно использовать функциональный критерий: преступление окончено, когда вследствие совершенной операции потерпевший утратил реальную возможность распоряжаться соответствующим активом, а виновный или указанное им лицо получили такую возможность. Одного получения seed-фразы или приватного ключа недостаточно, если актив еще не перемещен, и потерпевший сохраняет полный контроль: такие действия в зависимости от обстоятельств могут образовывать приго-

товление, покушение либо самостоятельное преступление в сфере компьютерной информации. Напротив, подтвержденный перевод на адрес, контролируемый виновным, обычно свидетельствует о завершённом изъятии.

Четвертая проблема – принадлежность цифровой валюты. Публичность блокчейна позволяет увидеть движение актива, но не всегда идентифицировать лицо, которое контролирует адрес. Доводы о неустановлении владельцев кошельков встречаются в делах № 10-9241/2025, № 7У-8862/2025 и № 10-11265/2026 [19; 20; 23]. Из этого следует, что доказательство чужого характера цифровой валюты не может основываться только на записи в блокчейне. Необходима совокупность сведений: данные КУС централизованной платформы, история приобретения актива, переписка, устройства и ключи доступа, сведения аналитических сервисов, показания участников сделки, а также непрерывная трассировка транзакций.

Пятая проблема – стоимость. Общая позиция Пленума состоит в определении размера похищенного исходя из фактической стоимости имущества на момент преступления; при отсутствии сведений о цене она может быть установлена экспертным путем [6]. В деле № 10-8287/2026 суд допустил расчет без экспертизы на основе рыночных данных и официального валютного курса [22]. Для стейблкоинов такой подход часто дает устойчивый результат, однако применительно к волатильным активам различие котировок может быть существенным.

Представляется, что обязательная экспертиза для каждого дела о хищении цифровой валюты избыточна. Вместе с тем суд должен раскрывать методику расчета: источник котировки, дату и при необходимости время, торговую пару, способ перевода стоимости в рубли. Если стороны представляют существенно различающиеся данные и размер влияет на квалификацию, использование специальных знаний становится предпочтительным. Такой подход сочетает процессуальную экономию с проверяемостью размера ущерба.

Шестая проблема – действие уголовного закона во времени. Часть рассмотренных дел относится к деяниям, совершенным задолго до 3 марта 2026 г., когда вступил в силу ФЗ № 38. Новое примечание к ст. 104.1 УК РФ не должно использоваться как единственное ретроактивное основание для признания состава преступления. В делах о более ранних событиях правоприменителю необходимо показать, почему цифровая валюта могла рассматриваться как имущество исходя из действовавших тогда норм и сложившегося толкования. Практика 2021 – начала 2026 гг. показывает, что такие основания суды находили и

до прямой новеллы [9; 12].

Результаты исследования и предложения

Проведенный анализ позволяет сформулировать несколько результатов. Во-первых, после реформы 2026 г. вещная форма окончательно перестала быть обязательным признаком предмета хищения применительно к цифровой валюте. При этом говорить о полном отказе от определенности предмета нельзя: цифровой актив должен иметь экономическую ценность, быть индивидуализируемым, находиться под законным контролем другого лица и допускать переход контроля в результате противоправных действий.

Во-вторых, для описания изъятия цифровой валюты предлагается использовать категорию юридически значимого контроля. Под ним следует понимать фактическую возможность инициировать операции с цифровой валютой и определять ее дальнейшее движение. Хищение предполагает не просто получение технических сведений о кошельке, а такое воздействие, которое приводит к имущественной утрате потерпевшего и возникновению у виновного или третьего лица реальной возможности распоряжаться активом.

В-третьих, после ППВС № 19 необходимо четко разграничивать цифровую валюту и электронные денежные средства. Признание цифровой валюты предметом хищения не означает применения п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Наличие этой нормативной асимметрии следует прямо учитывать в приговорах, чтобы цифровая форма объекта не превращалась в самостоятельное не предусмотренное законом основание усиления ответственности.

В-четвертых, новое разъяснение о значении обмана требует пересмотра методики квалификации фишинговых схем. Критерием должно быть не наличие ложной информации само по себе, а роль обмана в механизме имущественного перехода. Если потерпевший, введенный в заблуждение, сознательно совершает перевод – возможны признаки мошенничества. Если обман только открывает доступ, а перевод затем совершается тайно – имеются основания для квалификации как кражи при наличии остальных признаков состава.

В-пятых, для подтверждения принадлежности цифровой валюты целесообразно закрепить в разъяснениях Верховного Суда ориентир на совокупность цифровых и традиционных доказательств. Блокчейн-трассировка должна использоваться вместе со сведениями о контроле над адресом и происхождении актива. Такой подход снижает риск отождествления технического адреса с конкретным лицом без достаточной доказательственной основы.

В-шестых, в разъяснениях Пленума

ВС РФ целесообразно уточнить момент окончания кражи цифровой валюты: им следует считать момент, когда потерпевший вследствие противоправной операции лишился реальной возможности распоряжаться активом, а виновный либо третье лицо получили такую возможность. Отдельно может быть указано, что копирование ключа доступа без распоряжения активом само по себе не тождественно окончательному хищению.

В-седьмых, оценка цифровой валюты должна быть воспроизводимой. При отсутствии спора допустим расчет по общедоступным рыночным данным, если суд указывает источник и момент определения цены. При существенном расхождении котировок или споре, влияющем на квалификацию, вопрос следует разрешать с привлечением специалиста или эксперта. Это предложение не противоречит позиции по делу № 10-8287/2026, где суд признал обязательную экспертизу ненужной при простом проверяемом расчете.

Заключение

Реформа 2026 г. завершила длительный этап нормативной неопределенности в вопросе о цифровой валюте как предмете хищения. ФЗ № 38 прямо признал ее имуществом для целей УК РФ; Пленум Верховного Суда включил цифровую валюту в предмет кражи, грабежа, разбоя и иного хищения; ФЗ № 282 закрепил имущественное определение цифровой валюты в специальном регулировании.

Вместе с тем основная проблематика не исчезла, а изменилась. Судебные споры перемещаются от вопроса «является ли криптовалюта имуществом» к вопросам о том, кому принадлежал цифровой актив, каким способом был утрачен контроль, в какой момент хищение окончено и каким образом определяется стоимость. Кроме того, обновленное ППВС № 29 показывает, что законодательное признание цифровой валюты имуществом не означает ее отождествления с безналичными или электронными денежными средствами.

Наиболее существенным результатом деидеологизации предмета хищения следует считать изменение самого способа описания изъятия. Для цифровой валюты физическое перемещение заменяется переходом фактического имущественного контроля. Такой подход позволяет применять традиционную конструкцию хищения к цифровому активу, не прибегая к фикции материальной вещи и одновременно сохраняя требования определенности уголовного закона.

Дальнейшее развитие практики целесообразно направить на унификацию критериев принадлежности, оценки и момента окончания хищения цифровой валюты, а также на применение нового разграничения кражи и мошенничества к

цифровым способам получения доступа. Именно эти вопросы, а не само признание цифровой валюты имуществом, становятся центральными для следующего этапа уголовно-правового регулирования.

Список литературы:

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в действующей редакции). [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в действующей редакции). [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф.

[3] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в действующей редакции). [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф.

[4] Федеральный закон от 20.02.2026 № 38-ФЗ «О внесении изменений в статью 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф.

[5] Федеральный закон от 04.08.2026 № 282-ФЗ «О цифровых валютах и цифровых правах». [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф.

[6] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.06.2026 № 19 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 года № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое». [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф.

[7] Постановление Правительства РФ от 30.06.2026 № 808 «Об утверждении Правил хранения, перевода и учета цифровой валюты при осуществлении уголовного судопроизводства». [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф.

[8] Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в редакциях, действовавших до 01.09.2026). [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф.

[9] Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 01.07.2021 по делу № 7У-3335/2021 [77-1255/2021]. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Вер-

сия Проф.

[10] Приговор Новгородского районного суда Новгородской области от 17.11.2024 по делу № 1-947/2024. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф.

[11] Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 03.07.2025 по делу № 10-9241/2025. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф.

[12] Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 22.01.2026 по делу № 7У-8862/2025 [77-19/2026-(77-3588/2025)]. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф.

[13] Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Второго апелляционного суда общей юрисдикции от 12.03.2026 по делу № 55-77/2026. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф.

[14] Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 19.05.2026 по делу № 10-8287/2026. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф.

[15] Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 08.07.2026 по делу № 10-11265/2026. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф.

[16] Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 16.07.2024 № 53-УДП24-23-К8. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф.

[17] Архипов А. В. Законодательство об уголовной ответственности за хищения в России: проблемы правоприменения и концептуальные основы реформирования: монография / под ред. Л. М. Прокументова. М.: Юрлитинформ, 2022. 311 с.

[18] Хилjuta В. В. Дематериализация предмета хищения и вопросы квалификации посягательств на виртуальное имущество // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 5. С. 68–82.

[19] Шеслер А. В. Виртуальные объекты как предмет противоправного корыстного завладения // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 491. С. 188–196.

[20] Ображиев К. В. Преступные посягательства на цифровые финансовые активы и цифровую валюту: проблемы квалификации и законо-

дательной регламентации // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 2. С. 71–87.

[21] Ушаков Р. М. Квалификация хищений, совершаемых с использованием информационных технологий: монография. М.: Юстицинформ, 2023. 160 с.

[22] Попова Е. М. Цифровые права как предмет хищения: дискуссионные вопросы в уголовно-правовой доктрине и способы их разрешения // Правовое государство: теория и практика. 2026. № 2 (84). С. 207–216.

[23] Мельник В. С. Цифровая валюта как предмет преступления и средство его совершения: проблемы квалификации и доказывания (по материалам судебной практики) // Уголовное право. 2026. № 7. С. 3–13.

[24] Филатова М. А., Шаповал К. С. Правовой статус криптовалюты в решениях судов по хищениям: юридические аргументы // Уголовное право. 2026. № 7. С. 32–44.

References:

[1] Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended). [Electronic resource] // ConsultantPlus: Ref. legal system. Version Prof.

[2] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended). [Electronic resource] // ConsultantPlus: Ref. legal system. Version Prof.

[3] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated 30.11.1994 No. 51-FZ (as amended). [Electronic resource] // ConsultantPlus: Ref. legal system. Version Prof.

[4] Federal Law of 20.02.2026 No. 38-FZ "On Amendments to Article 104.1 of the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation." [Electronic resource] // ConsultantPlus: Ref. legal system. Version Prof.

[5] Federal Law of 04.08.2026 No. 282-FZ "On Digital Currencies and Digital Rights." [Electronic resource] // ConsultantPlus: Ref. legal system. Version Prof.

[6] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 16.06.2026 No. 19 "On Amending the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 27, 2002 No. 29 "On Judicial Practice in Cases of Theft, Robbery and Robbery." [Electronic resource] // ConsultantPlus: Ref. legal system. Version Prof.

[7] Decree of the Government of the Russian Federation of 30.06.2026 No. 808 "On approval of the Rules for storage, translation and accounting of digital currency in criminal proceedings." [Electronic resource] // ConsultantPlus: Ref. legal system. Version Prof.

[8] Federal Law of 31.07.2020 No. 259-FZ "On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation" (as amended before 01.09.2026). [Electronic resource] // ConsultantPlus: Ref. legal system. Version Prof.

[9] Cassation ruling of the Third Court of Cassation of General Jurisdiction dated 01.07.2021 in case No. 7U-3335/2021 [77-1255/2021]. [Electronic resource] // ConsultantPlus: Ref. legal system. Version Prof.

[10] Verdict of the Novgorod District Court of the Novgorod Region of 17.11.2024 in case No. 1-947/2024. [Electronic resource] // ConsultantPlus: Ref. legal system. Version Prof.

[11] Appellate ruling of the judicial board on criminal cases of the Moscow City Court of 03.07.2025 in case No. 10-9241/2025. [Electronic resource] // ConsultantPlus: Ref. legal system. Version Prof.

[12] Cassation ruling of the judicial collegium in criminal cases of the Second Cassation Court of General Jurisdiction of 22.01.2026 in case No. 7U-8862/2025 [77-19/2026- (77-3588/2025)]. [Electronic resource] // ConsultantPlus: Ref. legal system. Version Prof.

[13] Court of Appeal Ruling in Criminal Cases of the Second Court of Appeal of General Jurisdiction dated 12.03.2026 in case No. 55-77/2026. [Electronic resource] // ConsultantPlus: Ref. legal system. Version Prof.

[14] Appellate ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Moscow City Court of 19.05.2026 in case No. 10-8287/2026. [Electronic resource] // ConsultantPlus: Ref. legal system. Version Prof.

[15] Appellate Ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Moscow City Court of 08.07.2026 in Case No. 10-11265/2026.

[Electronic resource] // ConsultantPlus: Ref. legal system. Version Prof.

[16] Cassation ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 16.07.2024 No. 53-UDP24-23-K8. [Electronic resource] // ConsultantPlus: Ref. legal system. Version Prof.

[17] Arkhipov A.V. Legislation on criminal liability for embezzlement in Russia: problems of law enforcement and conceptual foundations of reform: monograph / ed. L. M. Prozumentova. M.: Yurлитinform, 2022. 311 p.

[18] Khilyuta V.V. Dematerialization of the subject of theft and issues of qualification of encroachments on virtual property // Journal of Russian Law. 2021. VOL. 25. № 5. S. 68-82.

[19] Schesler A.V. Virtual objects as the subject of unlawful mercenary seizure // Bulletin of Tomsk State University. 2023. № 491. S. 188-196.

[20] Obrazhiev K.V. Criminal encroachments on digital financial assets and digital currency: problems of qualification and legislative regulation // Journal of Russian Law. 2022. T. 26. № 2. S. 71-87.

[21] Ushakov R. M. Qualification of thefts committed using information technology: monograph. M.: Justicinform, 2023. 160 s.

[22] Popova E. M. Digital rights as a subject of theft: discussion issues in criminal law doctrine and ways to resolve them // Rule of law: theory and practice. 2026. № 2 (84). S. 207-216.

[23] Melnik V. S. Digital currency as the subject of a crime and the means of its commission: problems of qualification and evidence (based on judicial practice) // Criminal law. 2026. № 7. S. 3-13.

[24] Filatova M.A., Shapoval K.S. The legal status of cryptocurrency in court decisions on embezzlement: legal arguments // Criminal law. 2026. № 7. S. 32-44.

